

Самостоянье (пушкинская свобода)

...независимость и самоуважение
одни могут нас возвысить над
мелочами жизни и над бурями судьбы.

А. С. Пушкин. «Вольтер»

Перед проблемой «свобода у Пушкина» останавливаешься, как перед Эверестом. Задираешь голову и не знаешь, с какой стороны приступить к ее решению. Понимаешь, что как *вольнодумный* дворянин поэт никогда не был полностью свободен в родной империи. И понимаешь, что как *дворянин* — и весьма старинного рода — он обладал определенными природженными правами на личную свободу. Эту свободу он сохранил до конца, рискнув жизнью из-за принципов, которые он считал для себя обязательными. Показателен в этом смысле черновик «<Путешествия из Москвы в Петербург>» (1833–1834). Автор беседует с неким англичанином:

Он. Что такое свобода?

Я. Свобода есть возможность поступать по своей воле.

Он. Следственно, свободы нет нигде — ибо везде есть или законы, или естественные препятствия.

Я. Так, но разница покоряться предписанным нами самими законам или повиноваться чужой воле.

Он. Ваша правда.

(XI, 231)

Но это всё вопросы пушкинской биографии, внешней жизни, довольно хорошо уже известные.

Едва ли можно усомниться, что как гениальный поэт Пушкин был внутренне свободен, если понимать под свободой полет мысли, творение образов и сюжетов, силу эмоций. Известны слова из «Египетских ночей» (1835):

...ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Таков поэт: как Аквилон,
Что хочет, то и носит он.

(VIII, 269)

Однако понятие свободы сложно: личная свобода — это не только свобода творчества. Она включает в себя еще и самопознание (что ты свободен), и совесть, и долг и еще многое, что обнаруживает себя в человеческой жизни.

В «Скупом рыцаре» (1830) барон говорит: «Мне все послушно, я же — ничему; <...> / Я царствую!» (VII, 111–112). Мы видим, что это самообман, барон заблуждается, он — раб своих сундуков.

Вопрос о свободе Евгения Онегина еще сложнее (роман завершен в 1831 г.). Его внешняя свобода (молодой богатый аристократ, живущий довольно пустой светской жизнью, хотя и неглупый и сравнительно образованный) обернулась после убийства Ленского несвободой — если смотреть в суть дела, его замучила совесть. Он словно ищет избавления от этого чувства: «Охота к перемене мест / (Весьма мучительное свойство, / Немногих добровольный крест)» (VI, 170).

Трудно определить, свободна ли Татьяна. От несвободного решения выйти замуж («Меня с слезами заклинаний / Молила мать...» — VI, 188) она приходит к свободному — быть верной своей внутренней чести. Это, конечно, решение благородной женщины пушкинского времени. Но едва ли можно говорить здесь о полной внутренней свободе.

Торжество всеобщей несвободы, внутренней и внешней, демонстрирует нам великая трагедия «Борис Годунов» (1825). Никто из ее действующих лиц не свободен в своих действиях — ни Самозванец, подталкиваемый к власти множеством поводов — интригами поляков и своих соотечественников, честолюбием своим и Марины Мнишек, ложным убеждением, что его судьба — быть царем, — ни тем более Борис, мучимый совестью и сознающий, что взял на себя крест не по силам («Я подданным рожден и умереть / Мне подданным во мраке б надлежало...» — VII, 89). Несвободна и толпа, жаждущая убийства.

Странно, но многие свободные герои Пушкина погибают или терпят поражение и обречены на гибель — Алеко, князь в «Русалке», Вальсингам, Дон Гуан, Пугачев в «Капитанской дочке» и даже Моцарт. Наверное, пушкинский Моцарт — самый свободный его герой. О внешней несвободе реального Моцарта, зависевшего от сильных мира сего, как большинство свободных художников всех времен, не говорим. Моцарт у Пушкина противостоит Сальери как свобода — несвободе. Моцарт свободен именно в пушкинском смысле — как гений, служащий «единому прекрасному». Его талант не подвластен Сальери, но жизнь подвластна.

Такой же изъясн ощущается в интриге «Медного всадника» (1833). В центре внимания автора этой «петербургской повести», предваряющей нравственные коллизии произведений Ф. М. Достоевского, другие проблемы, которых мы сейчас не станем касаться. Нас интересует свобода двух героев-антагонистов этой поэмы-повести — Евгения и Петра. Первый, говоря фигурально, растоптан бронзовыми копытами Петрова коня. А Петр? Свободен ли этот «мощный властелин судьбы»? Пушкину очень хотелось видеть Петра, думается, свободным творцом. Но реальная история и ее осмысление делали идеализацию царя-преобразователя, *по совести*, невозможной. Реформы Петра буквально раздавили тысячи «евгениев». Петр велик по-человечески и с точки зрения русской истории — это Пушкин показал в своем «<Арапе Петра Великого>» (1827). Однако на полях «Медного всадника» поэт рисует коня без седока. Так не судьба ли владела своим «властелином»?

В повести «Барышня-крестьянка» (1830) есть знаменательные слова: «особенность характера, самобытность (*individualité*), без чего, по мнению Жан Поля, не существует и человеческого величия» (VIII, 111). Самобытности в героях Пушкина более чем достаточно. Самобытен Пугачев, самобытен и Самозванец (о нем говорят: «...и вор, / А молодец» — VII, 81). Не откажешь в самобытности и героям «Выстрела» (1830), и персонажам «Станционного смотрителя» (1830), где все по-своему честны и цельны, даже гусар, соблазнивший Дуню.

В «Дубровском» (1832–1833) все участники событий — люди цельного покроя. Их трагедия заключена в обстоятельствах. Пушкин мастерски сталкивает личность с обстоятельствами. Герой оказывается в реальном мире, даже когда этот мир фантастичен (призрак шаркает туфлями в «Пиковой даме» (1833)).

Жизнь «тестирует» человека на предмет свободы.

Впрочем, сама проблема свободы в пушкинской художественной прозе не занимает первого места. Она как бы «утоплена» в ряде других вопросов. Так, трагедия Германна — это беда человека, который утрачивает внутреннюю свободу и вообще свое «я» под влиянием «неподвижной идеи» — страсти к деньгам и богатству. В «Египетских ночах» (1835) за романтической фигурой импровизатора скрывается мысль о независимости поэта («Всякой талант неизъясним» — VIII, 270), то есть, по сути дела, о его внутренней и внешней свободе.

Свобода творчества — ценность, которую Пушкин отстаивал во все времена. Сегодня, из нашего исторического далека, видно, что это был принцип, жизненно важный для дальнейшего развития отечественной литературы. Иногда эта свобода выступала у него, так сказать, в чистом виде — как это было в похвале Шекспиру в заметке о «Ромео и Джульетте» (1829). Пушкин отметил «вольную и широкую его кисть» (XI, 83). Эту мысль поэт повторял неоднократно, например, в набросках предисловия

к «Борису Годунову». Иногда он отождествлял свободу творчества с «высшей смелостью» его (в материалах к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» 1827 г. — XI, 61).

В наброске статьи 1828 г. о поэме Е. А. Баратынского «Бал» Пушкин пишет: «...истинный талант доверяет более собственному суждению, основанному на любви к искусству, нежели малообдуманному решению записных Аристархов» (XI, 74). Эта мысль развернута в плане статьи о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина (1830): «Что нужно драматическому писателю? Философия, бесстрашие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предвзвешенного мнения. *Свобода*» (XI, 419).

Параллельно борьбе за свободу творчества шла борьба поэта за личную «честь гражданина» (выражение из «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений» 1830 г. — XI, 168), за сбережение личной свободы. Это гражданское, в сущности, понимание свободы смыкалось с темой свободы творчества, образуя единый смысловой комплекс. В феврале 1823 г. из Кишинева Пушкин писал П. А. Вяземскому в Москву: «...пора дать вес своему мнению и заставить правительство уважать нашим голосом — презрение к русским писателям нестерпимо» (XIII, 57).

Но больше всего в пушкинских письмах забот о личной независимости. Особенно показателен черновик письма от 22 мая 1824 г. из Одессы к А. И. Казначееву, чиновнику при М. С. Воронцове: «Ради бога не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость. <...> Ужели нельзя оставить меня в покое на остаток жизни, которая верно не продлится» (XIII, 93, 94). И в черновике другого письма к тому же лицу (подлинник по-французски): «Единственное, чего я жажду, это — независимости (слово неважное, да сама вещь хороша): с помощью мужества и упорства я в конце концов добьюсь его» (XIII, 95, 528). Из Михайловского в ноябре 1824 г. поэт пишет брату в Петербург: «Пусть оставят меня так...» (XIII, 121). Ему был необходим покой — для творчества и вообще для самостоятельного ведения жизни. Оттого стихотворное «подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа» — «Свободы сеятель пустынный...» (1823), приложенное к письму А. И. Тургеневу из Одессы от 1 декабря 1823 г., звучит так печально в сопровождении строк: «Надобно подобно мне провести три года в душном азиатском заточении, чтоб почувствовать цену и не вольного европейского воздуха» (XIII, 78).

Пушкинская тоска по свободе выражена также в словах письма к брату из Михайловского в двадцатых числах ноября 1824 г.: «На святой Руси не штука ходить нагишом, а хамы смеются» (XIII, 122).

В литературе о понимании человека и его миссии в наследии Пушкина в общем царит вера в умение поэта сказать все самое важное в этой области, что несомненно связано с пушкинской гениальностью¹. Начальная точка этого убеждения — в словах В. Г. Белинского о том, что Пушкин мог «углубляться в сущность вещей» («Сочинения Александра Пушкина. Статья шестая», 1844)². Нет сомнения, что исследователь прав, говоря о «личностном» идеале свободы у Пушкина: «По Пушкину, есть один незыблемый оплот свободы, покоящийся в глубине человеческого духа»³. Однако едва ли подходит тут слово «покой». Герои Пушкина (Онегин, Самозванец, Годунов, Гринев, Пугачев, Анджело и др.) слышат «шум внутренней тревоги» (V, 146), как бедный Евгений в поэме-повести «Медный всадник» (1833). Трудно найти равновесие между внешним и внутренним миром. Убиение Самозванца, «смирненная воля» цыганского табора, нарушенная Алеко, метания Онегина и мучения Татьяны, переживания персонажей пушкинской прозы, а в реальности — восстание греков, порыв декабристов... Все это совсем далеко от «покоя». Крупные властители России — Петр и Екатерина — удостаиваются в «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) довольно суровых оценок Пушкина: «История представляет около его всеобщее рабство», — пишет он о первом; «...развратная государыня развратила и свое государство», — говорит о второй (XI, 14, 16).

Пушкин смотрит в лицо действительности: толпа не может быть непредвзятым судьей событий. Оттого так загадочна ремарка, заключающая «Бориса Годунова»: «народ безмолвствует» — осуждает, одобряет, не знает, что сказать?⁴ Оттого так резки отзывы Пушкина о событиях «холерного бунта» 1831 г.

¹ См., например: *Строганов М. В.* Человек в художественном мире Пушкина (Проблемы поэтики): Автореф. канд. дис. ... филол. наук. М., 1991; *Тамарченко Е. Д.* Факт бытия в реализме Пушкина // Контекст — 1991. М., 1991. С. 135–166; *Ветловская В. Е.* Пушкин: Проблемы истории и формирование русского реализма // Литература и история: (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). СПб., 1992. С. 32–56.

² *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 358. См. также: *Эйдельман Н. Я.* Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984; *Лескис Г. А.* Пушкинский путь в русской литературе. М., 1993. О понимании Пушкиным своей миссии см.: *Albrecht M. von.* Der verbannte Ovid und die Einsamkeit des Dichters im frühen XIX. Jahrhundert: Zum Selbstverständnis Franz Grillparzers und Alexander Puškins // *Arcadia*. 1971. Bd. 6, H. 1. S. 16–43.

³ *Грехнев В. А.* «Самостоянье» свободы: («Из Пиндемонти» Пушкина) // Болдинские чтения [1994]. Н. Новгород, 1995. С. 94–95.

⁴ См.: *Алексеев М. П.* Ремарка Пушкина «Народ безмолвствует» // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 221–252. См. также: *Фомичев С. А.* Предисловие // Пушкин А. С. Борис Годунов: Трагедия / Комментар. Л. М. Лотман и С. А. Фомичева. СПб., 1996. С. 5–22.

Решив вопрос о свободе души, Пушкин оставил потомкам вопрос об условиях свободы общества. Иногда этот вопрос кажется неразрешимым, как он казался Андрею Белому в начале XX в. В статье «Настоящее и будущее русской литературы» Белый писал: «А пока: — Настоящее наше темно, как и прошлое наше темно — искони, искони. Тьма сливается с тьмой в единую ночь над единой равниной, сплошной, ледяной, гробовой — равниной русской. Здесь еще беспредметно томился Пушкин, когда под луной он увидел, что летят над ним “бесы разны”, рассыпаются снегом, осаждаются ледяной коростой на русской действительности»¹.

Однако не забудем того, что поэт сказал о себе в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836):

...в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

(III, 424)

Та воспетая Пушкиным свобода, которую А. Блок в стихотворении «Пушкинскому Дому» (1921) назвал «тайной свободой», оказалась свободой сущностной, необходимой для *самостоянья* личности.

© Данилевский Р. Ю., 2017

¹ Белый А. Луг зеленый. М., 1910. С. 67.

Пушкин и другие (двадцать лет спустя)

Сборник статей к 80-летию
Сергея Александровича Фомичева

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2 0 1 7

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)
П91

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Составители С. В. Денисенко и Н. Л. Дмитриева
Научные редакторы М. Н. Виролайнен и С. Б. Федотова

Вic: DSB
Bisac: LIT004240

Pushkin and the Others (Twenty Years After): Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev

Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev contains articles of Fomichev's successors including his former postgraduates, members of the Pushkinsky Seminar he held with V. E. Vatsuro, Pushkin Studies Department staff educated and developed under the guidance of Mr. Fomichev and just junior associates constantly consulted with him.

П91 **Пушкин** и другие (двадцать лет спустя): сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева / сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; М. : ООО «Книга по Требованию», 2017. — 471 с. — (Серия «Lyceum»).

ISBN 978-5-521-00671-7

В сборник статей, посвященный 80-летию Сергея Александровича Фомичева, вошли статьи его коллег и исследователей, считающих себя учениками Сергея Александровича. Среди них его бывшие аспиранты, участники Пушкинского семинара, который он вел несколько лет вместе с В. Э. Вацуро, сотрудники Отдела пушкиноведения, выросшие и сформировавшиеся под его руководством, просто младшие коллеги, постоянно пользовавшиеся его советами и консультациями.

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Денисенко С. В., Дмитриева Н. М.,
составление, 2017

© Оформление.
ООО «Издательство «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

ISBN 978-5-521-00671-7